

Тун Хуайцин был из тех, кто не терпел давления, но быстро оттаивал перед кротостью, да и обид долго не таил. Заметив, как с Чи Е мгновенно сбилась спесь — да ещё и с этим пакетом в руках, — он откусил от оставшейся половинки инжира и пробормотал:

— Ладно... Замяли.

Чи Е всё ещё выглядел смущённым. Он помялся, явно сомневаясь, стоит ли открывать рот.

— Может, ты сперва пакет с мусором выбросишь? — поинтересовался Хуайцин, не сводя с него взгляда.

Чи Е аккуратно опустил пакет на землю. Ладони от нервов взмокли. Опустив глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом, он глухо выдавил:

— Я... когда молчу, у меня лицо бывает... хмурым. Честно, я на тебя не злился. Не бери в голову.

Время подбиралось к вечеру. Закат выкрасил двор ярким багрянцем, но детей всё ещё не было видно.

Хуайцин взглянул на Чи Е. Пальцы испачкались в липком соке. Что и говорить, у того действительно не было того добродушного, располагающего вида, к которому привыкаешь с первого взгляда. Короткий ёжик волос, густые тёмные брови, узкие раскосые глаза с холодным, иссиня-чёрным зрачком. Губы вроде бы сгибались в подобие улыбки, но никакого веселья в этом не чувствовалось — скорее затишье перед броском, зловещая собранность хищника на охоте.

Впечатление усиливала его монументальная фигура. Раньше вокруг Хуайцина втихаря вращались наёмные телохранители — сплошь качки, выпестованные за бешеные деньги в элитных спортзалах. Но мускулы Чи Е были совсем иного толка. Выкованные тяжёлым, изнурительным трудом, под палящим солнцем и в пролитом поте, они казались отлитыми из стали и жил.

Красивые, выверенные линии.

Вот только вид у него был такой, будто за плечами числилась пара-тройка неупокоенных душ.

Хуайцин ненадолго задумался, а затем осторожно предложил:

— А ты не мог бы... улыбнуться нормально? Дай взгляну.

В конце концов, за эти дни он успел убедиться, что под этой суровой оболочкой скрывается

чуткая натура.

Чи Е провёл ладонью по лицу и заставил себя растянуть губы.

Хуайцин молча воззрился на него.

М-да. Вид такой, словно он за один присест съедает пару-тройку упитанных младенцев.

— Ничего, — Хуайцин поднялся, чтобы вымыть руки. — Внешность от бога достаётся. Ты не виноват.

Сам Хуайцин был безупречно красив, к тому же учился на художника, так что тонко чувствовал эстетику. Поначалу Чи Е его пугал, но, перепробовав столько состряпанных им обедов, он как-то незаметно пригляделся и даже привык.

— Я просто боялся, что ты не так поймёшь, — тихо донеслось со спины.

— Что именно?

Хуайцин безмятежно вытер руки полотенцем:

— И где эти двое?

Время перевалило за половину седьмого. Соседские кухни всюду исходили паром, издали доносился аппетитный запах жареного перца.

— Говорили, что задержатся на репетиции, — Чи Е заглянул в гостиную узнать время. На домашнем телефоне пропущенных не висело. — Пойду к школе, встречу.

— Я с тобой.

Всё равно делать было совершенно нечего.

Идти до школы было от силы минут десять. На улице в этот час кипела жизнь, проезжую часть заполнили машины, так что выкатывать велосипед не имело смысла. Хуайцин прошёл ближе к домам, а Чи Е держался на полшага позади. Закат пламенел на западе; невысокие одноэтажные домики отбрасывали короткие вечерние тени.

На повороте они едва не столкнулись с двумя девчонками.

Те о чём-то весело болтали, но, сперва заметив Хуайцина, синхронно выдохнули восхищённое «ах!», а вслед за этим наткнулись взглядом на сокрушительную физиономию Чи Е — и тут же испуганно ойкнули.

Переглянувшись и схватившись за руки, девушки спохватились, смущённо хихикнули и прибавили шаг.

Губы Чи Е нервно дёрнулись.

Раньше к подобной реакции он относился абсолютно равнодушно, но сегодня рядом шёл Хуайцин, и от этого на душе стало как-то тоскливо.

Неужели он и впрямь настолько уродлив и страшен?

Впервые за всю жизнь Босс Чи ощутил укол комплекса по поводу собственной внешности.

Может, как Чай Дая, попытаться причесаться по-человечески?

Нет, а вдруг Хуайцину не понравится?

Кстати... А кто вообще нравится Хуайцину?

Чи Е украдкой коснулся его взглядом. Длинные изогнутые рёбра ресниц казались позолоченными в лучах заката, а чистая, нежная кожа мягко светилась.

Такой ладный.

И выглядит совсем молодым.

Чи Е резко отвёл глаза; в горле мгновенно пересохло.

— О чём задумался? — Хуайцин, похоже, ничего не заметил. — Расстроился, что не нравишься девчонкам?

Чи Е помедлил и качнул головой.

Он вырос на самом дне, узнал нужду, хлебнул горя и пролил немало пота и крови, зарабатывая на хлеб. Но спину никогда не гнул и ни перед кем не пасовал.

Потому что за его спиной всегда кто-то стоял. И этот кто-то привык на него полагаться.

Но прямо сейчас его вдруг обдало странной, едва уловимой робостью.

Показалось здание школы. Средняя и начальная стояли бок о бок, а у ворот теснились лотки с уличной едой. Из дверей высыпала ватага школьников после факультативов — ребятишки с радостными криками разлетались по домам.

— Выбрось ты уже эту дурь из головы, — спокойно сказал Хуайцин, поднимая взгляд.

А потом не выдержал, и уголки его губ поползли вверх:

— Они не тебя испугались. Просто ты всю дорогу тащишь этот пакет с мусором. Вот они и засомневались в твоём рассудке!

Чи Е замёрз на месте. Он взглянул на свою руку: кулёк с эротической кассетой всё так же болтался на пальцах. Он тащил его целый квартал и даже не заметил!

А самое обидное — Хуайцин ведь видел и молчал!

Ну что за человек!

Чи Е, надувшись, шагнул к мусорному баку, выкинул пакет и с обидой пробормотал:

— Мог бы и сказать.

— Да я не думал, что ты всерьёз с ним пойдёшь! — расхохотался Хуайцин. — Ну-ка, дай руку. Сильно перетянул?

Большая ладонь нехотя выдвинулась вперёд ладонью вверх. На ней и впрямь отпечатался тонкий красный след. Какими бы огрубевшими ни были мозоли, тонкие ручки пакета всё равно въедаются в кожу.

— Ладно, моя вина, виноват, — всё ещё сдерживая смех, произнёс Хуайцин. — С меня ужин.

— Правда? — встрепенулся Чи Е.

Звучало это так, будто Хуайцин был страшно скупым.

— А когда? — тут же уточнил Чи Е.

— Сначала детей заберём, — ответил Хуайцин, заворачивая к будке охраны. — Да хоть сегодня.

Ты же всё равно ничего не приготовил.

Хуайцин ещё ни разу не ел в местных заведениях и понятия не имел, какова тут кухня.

Как-то раз, выезжая со съёмочной группой в провинцию, он запомнил, насколько щедрыми были порции: огромные подносы, а под конец — целое ведро варёных мослов. Скромно одетый хозяин заведения лишь смущённо улыбался, переминаясь с ноги на ногу, и спрашивал, вкусно ли городским гостям.

Хуайцину тогда еда не зашла вовсе.

Слишком много специй, пересол, а главное — чеснок повсюду.

Но под напряжённым взглядом хозяина он честно старался съесть как можно больше.

А потом его вывернуло.

Желудок у него был капризный, острые блюда не переносил.

Но раз уж они на территории Чи Е, тот наверняка знает местечко получше... Стоп, а почему Босс Чи всё ещё выглядит обиженным?

Он же вроде согласился угостить его?

— Пойду спрошу у охранника, почему они задерживаются, — хмуро пробурчал Чи Е.

Стоило ему шагнуть к будке, как привычная аура головореза мгновенно вернулась. Охранник от неожиданности аж подпрыгнул, вцепился в дубинку и дрожащим голосом выкрикнул:

— Ты к кому?!

Дядьку можно было понять: Чи Е впервые пришёл забирать детей. Школа близко, уроки заканчиваются примерно в одно время, так что Ноно и Яньянь всегда возвращались сами. Ребята росли самостоятельными.

Заподозрив неладное, охранник сжался и потянулся к телефонной трубке:

— Занятия давно окончены!

— Они оставались на репетицию... — попытался объяснить Чи Е.

— Назад! — гавкнул страж порядка. — Те, что репетировали, разбежались ещё минут двадцать назад!

А?

Но по дороге они никого не встретили.

Чи Е нахмурился, но тут сзади донёлся голос Хуайцина:

— Смотри, это не Ноно?

Обернувшись, Чи Е увидел, как к ним, задыхаясь, несётся Чи Ино с портфелем в руках:

— Брат, скорее!

Девочка бежала так быстро, что мокрая от пота чёлка прилипла ко лбу:

— Скорей! Там учительнице нужна помощь!

Ученики уже разошлись, уличные торговцы сворачивали лотки, но узкая улочка всё ещё была забита. Чи Е прокладывал дорогу, внимательно следя за тем, чтобы Хуайцина и Ноно не затолкали в толпе. Чёрная дворовая кошка тенью метнулась перед ногами, взлетела на кирпичный забор и уставилась на них сверху вниз блестящими зелёными глазами.

За бамбуковой рощицей у ограды слышалась шумная перепалка.

Мужчина в обтягивающей рубашке расставил руки, преграждая путь. Стоявшая напротив него женщина с пышными кудрями нервно прижимала к себе мальчишку. В её голосе звенели ярость и отчаяние:

— Я вызову полицию!

— Да ладно тебе, я же просто шучу! У нас же любовная размолвка, зачем привлекать людей? — с похабной ухмылкой протянул мужчина. — Сяохуэй, ну не сердись. Я же знаю, ты просто испытываешь меня...

— Ты псих! — закричала она. — Обязательно устраивать этот цирк?!

Мужчина свистнул:

— Милая, если будешь так орать, твои коллеги и ученики сбегутся поглазеть на представление.

Он подался вперёд, пытаясь сгрести её за локоть:

— Я тут уже заждался, еле дотерпел... А-а-а!

Раздался тяжёлый глухой удар.

Кто-то сзади железной хваткой дёрнул его за плечо, мир перевернулся, и мужчина со всего маху грохнулся спиной на землю. От удара у него перехватило дыхание, в глазах потемнело.

— Брат! — Чэнь Сяньян вырвался из объятий учительницы и с радостным криком бросился к Чи Е. — Ты пришёл!

Чи Е слегка размял кисть и спокойно спросил:

— Что тут происходит?

— Этот гад приставал к нашей учительнице английского! — запальчиво выкрикнул Яньян. — Учительница застряла с нами на репетиции, а он...

В этот момент лежащий на земле мужик, шатаясь, поднялся и ткнул пальцем в Чи Е:

— Ты, блядь, какого хера лезешь не в своё дело?! Я тебя...

Договорить он не успел. Чи Е молча всадил ему сокрушительный удар ногой в живот. Тот снова рухнул, свернувшись калачиком и хрипя от боли.

— Продолжай, — Чи Е повернулся к брату.

—... В общем, он подлец! — Яньян потянул за руку ошеломлённую женщину. — Учитель Янь, это мой старший брат.

Янь Сяохуэй всё ещё не могла прийти в себя от шока. Она переводила перепуганный взгляд с нокаутированного кавалера на Чи Е:

— С... с ним всё будет в порядке?

— Не помрёт. Я рассчитать силу умею, — кивнул Чи Е. — Здравствуйте, учитель.

Учительница наконец облегчённо выдохнула, утёрла слёзы и смущённо улыбнулась:

— Извините... Вы стали свидетелями этой сцены.

История оказалась банальной до тошноты. Пока длился роман — сопли, цветы и клятвы, а стоит случиться ссоре — наружу вылезает гнилое нутро. Пользуясь тем, что она учительница и боится публичного позора, этот тип беззастенчиво садился ей на шею.

«Любишь меня — значит, должна спать со мной».

«Спроси у кого угодно, любая баба стирает своему мужику!»

«Посмотри на свой живот! У нормальных баб талия тонкая, а на тебя один я позарился!»

Когда прозрение всё же пришло, от её самооценки остались лишь руины.

К счастью, у неё хватило решимости сбежать. Она даже перевелась в глухую провинцию, лишь бы подальше от него.

И всё равно этот слизень выследил её. И умудрился распускать руки прямо на глазах у учеников.

— Спасибо вам огромное, — Янь Сяохуэй заправила выбившийся локон за ухо и замялась. — Дальше я сама справлюсь... Пожалуйста...

— Ты заявила на него в полицию?

Раздавшаяся из-за спины Чи Е фраза заставила учительницу вздрогнуть.

Только сейчас она заметила тонкого, изящного молодого человека с утончёнными чертами лица и холодным, пронизательным взглядом.

Учительница пересохшими губами выдавила:

— Я...

Хуайцин удерживал Ноно за руку.

— Ты понимаешь, почему он не отвязывается?

Не успела Янь Сяохуэй ответить, как Ноно тихо подала голос:

— Потому что он очень любит нашу учительницу и не может отпустить?

— Не может отпустить? — Учительница горько ухмыльнулась. — Нет. Потому что я струсил.

Вечерний ветерок тихо зашуршал в бамбуковых листьях, слизывая слёзы с её щёк.

Хуайцин мягко качнул головой:

— Дело не в любви.

— И даже не в твоей слабости. Просто им легко управлять, а ещё он вложил в тебя слишком много «ресурсов» — времени, сил, манипуляций. И теперь жаба душит уйти ни с чем.

Его чистые, прозрачные глаза проникали прямо в душу:

— Перестань откупаться от него.

Янь Сяохуэй вскинула голову, сжав пальцами подол юбки.

Всё так. Он нашёл её только потому, что она, не выдержав прессинга, перевела ему деньги — так называемые «отступные».

Она специально поехала в соседний уезд, чтобы сделать перевод.

И всё равно оставила след, по которому он припёрся прямо к дверям школы.

Её доброта и безотказность стали пищей для его паразитической алчности.

И её вины в этом нет.

— Больше ничего ему не давай, — Хуайцин протянул ей бумажную салфетку. — И не плачь. Он того не стоит.

На обратном пути ребяташки бежали впереди, о чём-то шептась, а Чи Е и Хуайцин неспешно шли сзади.

— Есть что сказать — говори, — лениво зевнул Хуайцин.

Чи Е всю дорогу выглядел так, будто проглотил аршин: лицо хмурое, вид озабоченный.

— Ты... то, что ты сказал учительнице Янь... это было очень правильно.

Чи Е попытался выдать это максимально непринуждённо, а потом вдруг спросил:

— А у тебя... сейчас кто-то есть?

Небо окончательно потемнело, превратившись в глубокий ультрамарин, на фоне которого едва просвечивал бледный серп луны.

Хуайцин снова зевнул:

— Нет.

— А раньше... ты с кем-то встречался?

Смахнув выступившую от зевоты слезу, Хуайцин повернулся к Чи Е и усмехнулся:

— Ты чего вдруг расспрашиваешь?

Чи Е глухо буркнул:

— Просто так.

— Ну-ну... — Хуайцин задумался, и его озарила догадка. Мужчина, должно быть, засмотрелся на учительницу и теперь проводит аналогии. — Постой. Тебя, что ли, волнует прошлое?

— В каком смысле?

— Ну, принципиально ли для тебя, были ли у твоей половинки отношения до тебя?

Они как раз проходили под раскидистой павловнией. Лежащие на земле нежно-фиолетовые лепестки мягко мерцали под лунным светом.

Чи Е резко остановился.

— Нет. Мне всё равно.

— Если у него никого не было, мы вместе пройдём через множество «впервые», — впервые в жизни Чи Е произнёс такие слова, не сводя с Хуайцина своего тёмного, бездонного взгляда. — А если кто-то был... значит, он расстался. Возможно, его ранили, а может, он сам кого-то ранил... И от одной мысли об этом у меня сердце болит.

Хуайцин тоже замер, обернувшись к нему.

— В общем, каково бы ни было его прошлое, пока он свободен — остальное не имеет значения.

Чи Е улыбнулся — на этот раз тепло, но в его осанке и движениях всё ещё проступала хищная, опасная грация. Он сделал медленный шаг навстречу Хуайцину.

— Если мне выпадет шанс завоевать его... считай, я вытащил счастливый билет.

<http://bllate.org/book/19966/1985902>